

Разговоры разговаривать

Моррис Фернандез

Первый рабочий день чаще всего получается тяжелым. У Морриса этот день не задался с того момента, как он вышел из двора. Снегом замело улицы, и, пожалуй, он не любил в русской зиме именно это. Под снегом обычно скрывался лед. На эту замерзшую лужу мужчина и наступил. Чудом удержал равновесие и направился дальше. Настроение было испорчено, особенно тем фактом, что из-за этого начала болеть нога. Желание убить было острым. Но радовало то, что этот мелкий гадёныш скоро навсегда покинет эту страну и, как он искренне надеялся, займется чем-то полезным, а не игрой в карты и в рулетку. Как ни крути, он все-таки являлся племянником любимой Лауритты, к тому же был сыном человека, которому он отчасти и был должен за эту работу. Но дочь ему была намного важнее, чем какие-то племяннички жены.

День, а точнее половина рабочего времени, прошел нормально, он снова порадовал новую посла и всех приближенных вкусными угощениями, хотя решил особо не заморачиваться с готовкой. А потом он пошел домой, было еще светло, вспомнив, что в холодильнике вчера вечером не только мышь повесилась, но, кажется, все стадо слонов. Пришлось зайти в магазин и купить продукты, по пути думая, что приготовить больной дочке и ее молодому человеку. Они наверняка были голодные, вряд ли мсье Мотидзуки что-то покупал из еды и уж тем более готовил. Этот человек был не из тех, кто просто так начинает хозяйничать на чужой территории. Фернандез вообще был уверен, что они оба сейчас спят. Как хорошо, когда у кого-то есть возможность поспать. Как же ему хочется кого-то убить!

Он вошел в квартиру и прислушался. Было тихо, но наличие верхней одежды дочери и ее ухажера успокаивало. Судя по всему, они оба спали, и он обрадовался тому факту, что совершенно забыл вызвать врача. Но он видел его в посольстве и описал симптомы. Тот сказал посмотреть горло и, если есть белый налет, то позвонить ему. А если нет, то написал, чем капать. И сказал про обильное питье.

Он тихо переоделся и ушел на кухню, по пути заглянув в комнату дочки. Она спала, и ему показалось, что лоб был не горячий, когда он ладонью дотронулся до него. Это было бы просто замечательно. В гостиной на диване спал мсье Мотидзуки, и он прикрыл дверь, чтобы не мешать ему.

В холодильнике действительно было пусто, и Моррис, разобрав пакеты и набив продуктами полки, стал готовить незамысловатые, но вкусные блюда. Приготовление не заняло много времени, и он, убрав рабочую поверхность, стал варить себе кофе. Добавил немного коньяка и сел за стол, только сейчас ощутив неприятную боль в ноге и поморщившись. Отпил немного напитка. Кофе для него всегда обладал бодрящим эффектом, а вкупе с коньяком добавлял ещё и спокойствия, что было сейчас очень кстати. По крайней мере, в данный момент никого уже убить не хотелось.

Тору Мотидзуки

В первый момент, когда Тору открыл глаза, он не сразу смог понять, где находится. Незнакомая обстановка, чужой потолок, на который он постоянно натыкался взглядом, странный диван, на котором лежал... Мотидзуки встряхнул головой. Он вспомнил, что заснул в чужой гостиной, когда присел ненадолго отдохнуть, но, хоть убей, не мог сказать, как именно оказался в положении лежа. Видимо его тело, устав от издевательств над собой, решило проявить инициативу и принять более комфортное положение.

Пошарив вокруг себя рукой и обнаружив свой телефон, Тору поднес его к глазам, чтобы посмотреть на время... и в панике вскочил с дивана. День уже давно перевалил за свою середину, а он, вместо того, чтобы следить за состоянием Яреци, просто проспал безумное количество часов подряд. На кухне раздавался какой-то шорох, говорящий о том, что Моррис вернулся домой и, вероятно, уже успел оценить творящееся здесь непотребство. И, видимо, Тору, успел показать себя с не самой лучшей стороны, безответственно позволив себе отдыхать в то время, как должен был ожидать прихода врача, который так и не появился, чтобы прервать его сон.

Прежде чем предстать перед хозяином дома, Тору заглянул в комнату Яреци и определил, что девушка еще спит. Коснувшись губами ее лба и не почувствовав жара, Мотидзуки немного успокоился. Он бы точно себя не простил, если бы за время его бессознательного состояния Яри стало плохо. Так что, хотя бы в этом плане, ему удалось "отделаться малой кровью".

Временно оставив девушку в объятиях Морфея, Тору отправился на кухню, надеюсь, что его оплошность не стоила наметившегося прогресса в отношениях с Моррисом.

- Добрый день. Прошу меня простить. Вы доверили мне заботу о дочери, а я позволил себе уснуть.

Аромат свежесваренного кофе приятно щекотал ноздри. Да и вообще, витающие на кухне запахи напоминали, что он давно ничего не ел. Но Тору старательно боролся с разыгравшемся голодом. Сейчас он находился в чужом доме и пытался радоваться уже тому факту, что его никуда не прогоняют, а позволяют и дальше оставаться рядом с Яреци.

Моррис Фернандез

Кофе действительно обладал бодрящим эффектом, и хоть на какое-то время не думать о том, что организм не железный и ему необходимо отдыхать. Моррис не помнил, когда последний раз у него был полноценный и здоровый сон. Последние три ночи точно. А ведь ему уже прилично лет. И усталость наваливается в самое неподходящее время.

От раздумий его отвлекло сообщение, пришедшее на телефон. Он посмотрел на текст и покачал головой. Лаура все-таки спрашивала о племяннике, и он не стал ничего отвечать. Пока он не был готов разговаривать на эту тему. Следующим сообщением Лауритта написала, что бабушке стало еще хуже, и прогнозы неутешительные. В первый момент Моррису хотелось уволиться, вернуться в

Испанию, уехав навсегда из этой страны, чтобы быть ближе к любимой жене. Забрать с собой дочку, которая наверняка скучает по маме. Раньше у них было столько интересных разговоров на самые разные темы, он слушал, готовя очередное блюдо, и все у них было хорошо. А потом он и не заметил, как малышка Яреци выросла. И он сообразил только, что время никогда нельзя остановить, чтобы вечно наслаждаться этими моментами, когда самолет приземлился в Пекине. А потом Яри пересела на другой самолет, в Лхасу, и уехала в какой-то монастырь. С тех пор стало очень скучно жить. Теперь еще и жена переживает из-за своей бабушки... Но дочь скорее всего не захочет уезжать в Испанию. И ее Тору тоже вряд ли захочет ехать туда. А оставить их одних, совсем без присмотра, он не хотел. Наверное, стоило бы попытаться. Он был недоволен поведением дочери, но к ее избраннику в этом случае претензий не имел. Уже в то время, когда Яри возбужденно рассказывала маме по телефону об осенней встрече с Тору, он понимал, что это тот самый человек, который не бросит его дочь... наверное, надо просто попытаться понять и принять?

Послышались шаги, и вскоре на кухне появился гость. Мужчина бросил на него оценивающий взгляд, заметил в его глазах смущение. Лицо было помятое и сонное, и он, слегка улыбнувшись, кивком головы отправил его умываться и приводить себя в порядок. Сам встал со стула и поморщился от боли в ноге. Почему же эта травма напомнила о себе только сейчас? Нервы, возраст или неприятное стечение обстоятельств, вызванное еще и перелетом?

- Ничего страшного, мсье Мотидзуки, я все понимаю, - добродушно улыбнулся мужчина. - У Яреци температура спала, ей сейчас нужен крепкий и здоровый сон. Приведите себя в порядок и присаживайтесь. Вы, наверное, так ничего и не ели? Я сейчас подогрею еду. Вам сварить кофе?

Тору Мотидзуки

Отправляясь на кухню, чтобы встретиться с Моррисом Фернандезом, Тору ожидал открытого или сдерживаемого недовольства, холодного голоса и всяческого другого проявления нелюбви к собственной персоне, но уж никак не подозрительной приветливости и даже улыбки. Последняя выбивала из колеи сильнее, чем несколько раз прокручиваемая в голове сцена возможной ссоры и заставляла задуматься действительно ли он проснулся, или все происходящее - странное видение, которому вскоре суждено исчезнуть.

- Да, большое спасибо, - неуверенно кивнув на предложение отца Яреци, Тору отправился в ванную, чтобы лишний раз не смущать хозяина дома своей помятой физиономией. Оставалось только удивляться, как человек далеко не юного возраста после бессонной ночи и работы умудрялся выглядеть настолько свежим и стыдиться, что сам он не смог похвастаться подобной выдержкой.

Приведя себя в порядок Тору вернулся на кухню, еще раз поблагодарил Морриса за заботу и занял одно из свободных мест за столом. Ситуация начала разворачиваться таким образом, что он не знал, как себя правильно вести и в каком ключе строить беседу. Если бы он не проспал все это время, мог бы дать отчет о состоянии Яреци и своих действиях, встрече врача...

- Фернандез-сан,- Тору поднял глаза на отца Яри, - я, конечно, заснул, но приход врача я бы точно не пропустил. Никто не приходил. Может быть вы виделись с ним лично? Если есть какие-то рекомендации или нужно купить лекарства, я все сделаю.

После своего "провала" Тору хотел принести хоть какую-то пользу. Он до сих пор не мог поверить, что его никто не прогоняет, а даже наоборот, проявляет по отношению к нему внимание. Так что старался любыми способами закрепить этот неожиданный успех.

Моррис Фернандез

Пока смущённый гость приводил себя в порядок, Моррис разогрел приготовленные блюда, зная, что дочка наверняка не откажется от картофельного пюре и рагу из говядины. Простые незамысловатые блюда, известные во всём мире, почти везде похожие рецепты и ингредиенты. В этот раз он не стал делать еду слишком острой, не зная, как к этому отнесётся гость. Смешно сказать, но повар чуть ли не с мировым именем (конечно, он был известен в кругах, но до мирового имени ему ещё очень далеко) совершенно не знал, что едят в Японии. Да и не нужно было ему это знать. Хватало знаний по мексиканской, европейским и русской кухонь.

Он разложил блюда по тарелкам, поставил пиалу с соусом гуакамоле, несколько тортилий, и принялся варить кофе, надеясь, что успеет справиться с этим до возвращения Тору. Потому что кофе требовал всё внимание и совершенно не любил, когда его меняют на что-то другое. Тогда он сразу любил убежать. Вернулся Тору, и он бросил оценивающий взгляд на мужчину. Качнул головой и доварил кофе. Налил в кофейную чашку и поставил перед гостем. Сел за стол напротив него. Теперь Тору выглядел всё ещё смущённым, но уже не помятым, что радовало. Но ему не нравилось, что молодой человек был смущён. Он вздохнул и передёрнул плечами, когда Тору снова к нему обратился официально, как это принято в Японии. Хотя, наверное, Тору тоже было первое время непривычно слышать обращение с "мистер" или "мсье" или другими приставками.

- Врач не приходил. Если честно, я сам не успел его вызвать. Но да, я видел его, и он сказал, что это может быть просто простуда. Я посмотрю ей горло, когда она проснётся, если белого налёта нет, то всё в порядке. Я уже купил лекарство, - ответил мужчина, пристально глядя на сидящего напротив человека. - Не переживайте так, Тору. Вы не спали всю ночь, переживали за это непутёвое создание, потом до этого наверняка тоже не так много спали... это всё нормально. Мы же не роботы... - Мужчина ненадолго замолчал. - Вот, можете добавить соус к рагу, - решил он подсказать, что можно сделать с представленной едой на тарелке.

Он не обижался на этого человека и старался сделать всё возможное, чтобы гость чувствовал себя в его доме более спокойно и раскованнее. Ведь ему самому пришлось приложить немало усилий, чтобы его приняли в семью Лауритты. Любимой и единственной женщины, которая долгое время не хотела создавать семью, повинаясь желаниям и приказам своих братьев и родителей. Поэтому он надеялся, что сейчас всё будет хорошо. К тому же Лаура заочно уже приняла мсье Мотидзуки в их семью.

Тору Мотидзуки

Пока он находился в ванной, отец Яреци успел разогреть приготовленную заранее еду, чудесный запах от которой разносился по всей квартире, и, благодаря его стараниям, перед Тору сейчас стояла тарелка с чем-то весьма аппетитным. За свою жизнь Мотидзуки успел блюда разных кухонь мира и, находя плюсы в каждой из них, не заикливался только на японской, хотя, когда он сам брался за приготовление пищи, именно блюда близкие к его национальной кухне удавались ему лучше всего.

- Спасибо. Это действительно очень вкусно. - В свой первый визит, несмотря на разнообразие приготовленных угощений, Тору так и не довелось оценить кулинарные способности Морриса. - Яреци часто вспоминает вашу кухню. Но, увы, при всех моих стараниях, соответствовать подобному уровню я не могу.

Хотя то недолгое время, что они прожили вместе с Яри на съемной квартире, за большую часть хозяйственно-бытовых вопросов отвечала именно девушка, Тору, по возможности, старался ей помогать. И даже успел полюбить их совместную возню при перестановке мебели или разговоры во время готовки. Пожалуй, этих простых вещей за время отсутствия девушки, ему не хватало ничуть не меньше, чем чего бы то ни было другого.

Очередное обращение по имени заставило Тору на некоторое время задуматься. И оно, хоть и звучало непривычно, явно означало некоторую степень принятия его, как потенциального члена семьи. Так что Тору решил, в ответ на это, решил задать вопрос, которым следовало озаботиться уже давно.

- Подскажите, как я могу к вам обращаться, чтобы вас это не смущало? Ваша дочь изначально называла меня "мистер", вы обращались ко мне "мсье", а, насколько я знаю, в испаноязычных странах обычно говорят "сеньор". Хотя сейчас мы вообще в России...

Несмотря на то, что в монастыре процветал мультикультурализм, там с этим было намного проще. Никто сильно не переживал на тему обращений. Но в нынешняя ситуация заметно отличалась, а потому Тору старался быть предельно корректен.

Моррис Фернандес

- Благодарю. Я к этому шёл почти тридцать лет, если не больше. Немного таких людей, которые просто выбрали себе профессию наугад и не прогадали, - усмехнулся мужчина. - Я лет в семнадцать поступил в институт, а на втором курсе втянулся. Ну а потом всё закрутилось. По крайней мере, готовить у меня получается лучше, чем следить за этим непутёвым созданием, которое сейчас простудилось, - он снова усмехнулся, допивая свой кофе. Еда оказалась действительно вкусной, простой в приготовлении и самой обычной. Как говорится, справится даже ребёнок.

Он вспомнил ссору, произошедшую в тот день, когда дочь привела Тору знакомиться с ним. Тогда он поступил отвратительно не только по отношению к дочери, но и к гостю, представ в образе ужасного и злого отца. Но он не был таким, и стоило бы извиниться. Сначала перед Тору, а потом уже перед дочкой. Он вздохнул.

- Вы можете ко мне обращаться как вам удобно. Даже Фернандес-сан, хотя это непривычно для моего слуха. Хотя как ко мне только не обращались, даже в

российской интерпретации. Но в этой стране все с этим сложно. Детям при рождении дают отчество. Имя отца. И обращаются по имени-отчеству. Типа... Иван Иванович. Меня тоже как-то пытались назвать Моррис Хоакинович... звучит не очень, согласитесь, - он усмехнулся. - А что касается "мсье", я много путешествовал одно время по Франции, и прижилось это обращение.

Он замолчал, дав гостю возможность переварить сказанное. Доел свою порцию и собрал тарелки. Оставил тортильи с соусом, и вернулся на место. Снова поморщился от неприятной боли в ноге. Как будто было онемение, и это ему совсем не нравилось. Впрочем, его болячки касались только его. Пока больше никто не должен знать, что у него снова начала болеть нога. Особенно дочь. А насчёт Тору он просто надеялся, что тот вообще ничего не увидел. Хотя он был уверен, что тот, если даже что и увидел, корректно промолчит. А то вот некоторые подчинённые иногда ставили в тупик вопросом "а что у вас с ногой".

- Знаете, Тору, я... - он замолчал, выбирая правильные слова. - Я бы хотел извиниться за тот вечер. Я повёл себя некорректно, за что прошу прощения. Просто тогда всё навалилось почти одновременно... и болезнь прабабушки Яреци, и тут разобраться с документами, и важное мероприятие в ресторане, который мне пришлось бросить. Конечно, звезду Мишлен ресторан не получил, но всё могло бы быть хуже.

Тору Мотидзуки

Слушать рассказ Морриса было не только интересно, но и приятно. Атмосфера с момента их первой встречи заметно изменилась. Если раньше был холод и недоверие, то сейчас обстановка казалась вполне дружественной, что подтверждалось готовностью отца Яреци говорить о себе и своей биографии.

- Судя по тому, что ваша дочь, несмотря на свои таланты до сих пор цела и невредима, говорит о том, что вы хорошо справлялись. - Тору не удержался от едкого в отношении Яри комментария. Судя по всему, ему еще не скоро суждено было забыть обо всей истории с побегами.

Со странными русскими обращениями он уже успел столкнуться, хотя у него самого никто еще ни разу не спрашивал имя отца. Промелькнувшая мысль о родном отце вызвала неприятное болезненное ощущение в груди, удивившее Тору, считавшего, что уже давно разобрался для себя со всеми семейными вопросами. Видимо, неформальное общение с Моррисом всколыхнуло какие-то давно забытые чувства, заставляя снова вспомнить о роли сына, которую ему не приходилось играть уже много лет.

Неловкое движение и изменившееся на несколько секунд выражение лица отца Яри, подсказали Тору, что того беспокоит старая травма. Он вспомнил рассказ девушки о проблеме Морриса с ногой, лишившей его возможности заниматься тем, чем ему нравилось, и, чтобы не ударять лишний раз по больному месту, Мотидзуки сделал вид, что ничего не заметил. Он и сам не любил проявление любопытства, считая, что комментировать стоит только то, что человек решил рассказать тебе сам. Как, например, в случае, когда его собеседник начал просить прощение за свое поведение во время их первой встречи.

- Не стоит извиняться, - Тору говорил абсолютно искренне. - Я вас прекрасно понимаю. Помимо тех моих изъязнов, которые я упоминал, есть еще одна проблема - возраст вашей дочери. Любой нормальный отец начал бы волноваться если бы его девочка, которую он растил, неожиданно связалась с мужчиной намного старше ее. Полагаю, перед нашей первой встречей, вы могли ожидать встретить какого-нибудь извращенца, так что на всякий случай уточню, что до появления в моей жизни Яреци я никогда не испытывал интереса к столь юным особам. Так что я до сих пор и сам иногда поражаюсь произошедшему.

Тору замолчал и внимательно посмотрел на Морриса, пытаясь считать его реакцию на свои слова. Он старался быть максимально откровенным, считая, что отец Яри этого заслуживает. Хотя легко было демонстрировать открытость, пока в его сторону не посыпались неудобные вопросы о его отношениях с семьей или развалившемся браке.

Моррис Фернандес

- Раньше Яреци была тихим, скромным ребенком. Мы ее вообще не видели и не слышали. Большую часть времени она проводила либо в комнате у себя, либо в гостиной за чтением книги. Потом она стала гулять. По набережным, улицам. Я даже удивился, что она убежала, когда я спрашивал с этого мальчишки про деньги. Я и не знал, что она умеет так быстро бегать. У нее с физкультурой в школе были натянутые отношения.

Он замолчал и посмотрел в окно. Смеркалось.

- Если вернуться к моей профессии, то дочь наверняка вам говорила, что не любит мексиканскую кухню. Она для нее слишком острая. Я даже боюсь себе представить, что бы она делала в настоящем мексиканском ресторане, там еще острее готовят, чем я, - он усмехнулся.

Удивительно устроена память человека. То мы помним что-то давнее, но очень прекрасное, оставившее в нашей душе отпечаток, но забываем то, что произошло день назад. Какое-нибудь незначительное событие стирается из памяти. Вот и Моррис стал все чаще ловить себя на мысли, что ему все больше хочется говорить о каких-то значимых, забавных и интересных моментах жизни. И ему это отнюдь не приносило радости. Возраст? Или что-то другое? Противное чувство одиночества, разъедающее его душу, когда дочь выросла и покинула отчий дом? Или... просто нужно чаще спать, чтобы всякие странные мысли не лезли в голову?

Он слушал Тору и, когда тот перестал говорить, пристально посмотрел на него.

- Признаться, заявление дочки, когда она мне про вас рассказала, а это было очень давно... кажется, еще весной... меня шокировало. Я думал, что это несерьезно, девчонки же любят влюбляться во все, что попадает на глаза. Вон в ее комнате на стенах висят постеры со звездами... я, конечно, был в шоке, когда она мне про вас рассказала. Но потом... после ее возвращения в Китай... я понял, что... - он хмыкнул. - В общем, я верю вам, Тору, что вы не бросите Яреци в трудную минуту. Я не хочу у вас выпытывать о вашем прошлом. Все мы люди, и все мы

имеем своих демонов, скелеты с шкафу, если изволите. Может быть, другой бы на моем месте поступил иначе.

Он замолчал. Возможно, он поступал неправильно, и надо было предпринимать и говорить что-то другое, но у него было твердое убеждение, что никто не вправе влезать в чужую жизнь насильно. Он мог выслушать, постараться дать совет...

Тору Мотидзуки

Услышав про тихого и скромного ребенка, который никуда не убегает, Тору хотел было скептически хмыкнуть, но, в последний момент, сдержался, не желая вызывать у отца Яреци лишних вопросов. Он мог немало интересного рассказать о его дочери, но придерживался мнения, что некоторые моменты не должны доходить до ушей родителей, чтобы поберечь их психику.

- Да, Яреци рассказывала про свои непростые взаимоотношения с мексиканской кухней, - уголки его губ дрогнули, стремясь растянуться в улыбке. Подобные разговоры они с девушкой особенно часто вели, когда жили в маленьком домике в деревне, с которого и началась их история как пары. И, несмотря на некоторые непростые моменты, это было прекрасное время.

Значение слов Морриса, несмотря на их кажущуюся простоту, не сразу дошло до его сознания. Все происходило намного быстрее, чем он мог себе представить. Третий разговор с отцом Яреци - и тот уже практически признал их отношения. И это после того, как при их первой встрече, Моррис Фернандес сообщил, что не желает его видеть. Воистину, Яри со своими побегами, в каком-то смысле, помогла ему наладить отношения со своим отцом. Хотя, это и не отменяло того факта, что после поправки ей еще не кисло прилетит за все содеянное.

- Благодарю за доверие и обещаю его оправдать. И спасибо за вашу тактичность. Мое прошлое трудно назвать идеальным. Я совершил немало ошибок, но, могу вас уверить, что они или их последствия никак не повлияют на мои отношения с вашей дочерью.

Чем дальше развивался их разговор, тем яснее Тору осознавал, что ему нравится Моррис. Нравится его рассудительность и готовность посмотреть на проблему с разных сторон. В этом он очень отличался от его собственного отца, не признающего иного мнения кроме своего собственного. Когда Тору был молод, он часто представлял, что его отец смягчится и примет его таким, какой он есть. Но годы шли, а ничего не менялось. И вот ему самому уже осталось недолго до сорока, в то время, как отцу - под восемьдесят. И, судя по обрывочной информации от племянника, старик даже на завершающем этапе своей жизни остался все тем же упрямым.

Моррис Фернандес

В какой-то момент Моррису показалось, что гость, который постепенно становился не просто гостем, одним из многих, посещающих эту квартиру, выглядит задумчивым и каким-то потерянным. Вероятно, Моррис случайно затронул своими рассуждениями о своей позиции по отношению к нему что-то личное, запрятанное глубоко и далеко. Вытащил на свет каких-то демонов. Он вздохнул и посмотрел на

поверхность стола. Убрал со стола тортильи и соус, протер стол и, слегка прихрамывая на ногу, вернулся на место.

- Надеюсь, никакого криминала, убийств и прочего не было в вашей жизни? А всё остальное... это не настолько важно, чтобы все об этом знали. Как я уже сказал, все мы не идеальны. Но я могу заверить, что если вы захотите поговорить, что-то рассказать... излить душу... то это никуда дальше стен этой кухни не уйдёт, - он доверительно улыбнулся.

Он никогда не считал себя таким уж психологом, чтобы давать какие-то советы, считать свои советы человеку какими-то важными и правильными. Он мог слушать, мог рассказывать что-то. Он старался быть тактичным, не вытягивать клещами слова, видя, что человек мучается и не знает, что говорить.

- Кстати, всё хотел спросить, - решил он уйти от этой темы, говорить на которую сейчас не было желания. И у Тору, кажется, тоже, - вы живёте на съёмной квартире или всё ещё в отеле? Вам нужна какая-нибудь помощь?

Тору Мотидзуки

Глядя, как Моррис прихрамывает, собирая тарелки, Тору чуть было не предложил свою помощь, но вовремя себя остановил. В силу своей деятельности он нередко встречал людей, получавших травмы разной степени тяжести. И чем тяжелее была травма и чем сильнее она влияла на жизнь человека, тем больше они не любили вопросы, намеки или предложения помощи, лишний раз напоминающие о ее существовании. Так что Тору предпочел и дальше делать вид, что не замечает хромоту отца Яреци.

- Раз вы готовили, то с меня мытье посуды. Должен же я принести хоть какую-то пользу. - Мотидзуки до сих пор до конца не простил себе свою оплошность, из-за которой покупкой лекарств и готовкой пришлось озаботиться человеку более старшего возраста, чем он сам, да еще и после бессонной ночи и работы. - А вам, я думаю, стоит немного отдохнуть. Мы доставили вам немало хлопот, но я постараюсь сделать все, чтобы подобное не повторилось.

Комментарий Морриса про криминал дал Тору возможность облегченно выдохнуть. В этом плане он был абсолютно чист, а если его семейные вопросы отца Яреци не волновали, то это сразу убирало массу проблем и неприятных тем для разговора.

- Нет. Закон я никогда не нарушал, в этом можете быть спокойны. И спасибо за предложение. Надеюсь, у меня будет возможность им воспользоваться.

Тору редко говорил о себе, и круг людей, с которыми он был готов поделиться чем-то сокровенным с трудом мог называться кругом из-за их малого количества. Но, после сегодняшней беседы, Мотидзуки решил, что, вероятно, в недалеком будущем этот неокруг сможет расшириться, чтобы впустить в него еще одного человека.

- Сейчас я живу на съёмной квартире. - Сначала Тору хотел сказать "мы", но, вспомнив, последние дни, проведенные в одиночестве, передумал. - Если вы имеете в виду финансовую помощь, то с этим все в порядке. У меня есть

постоянный доход, и я рассматриваю возможности для получения дополнительного заработка. С бытовыми вопросами я тоже справляюсь. Единственная моя серьезная проблема - это отсутствие знания языка. Но, боюсь ее решение требует длительного времени.

После ухода Яреци ко всем прочим неприятностям добавилась и частичная языковая изоляция. И если в додзе всегда находились люди со знанием английского и одна женщина-востоковед даже японского языка, то вечерами в этом плане все становилось совсем печально.

Яреци Фернандез

Противный звук сигнализации какого-то автомобиля выдернул из сна, и девушка открыла глаза. Увидела на стене постер с актёром, который играл одного персонажа в сериале "Элен и ребята", такой белобрысый красавчик, и зажмурилась. Этот актёр ей напомнил Маркуса. Человека, которого она не знала и которому доверилась. Из-за которого бросила Тору. Любимого Тору, которому она была благодарна за слишком многое, случившееся в последние месяцы. И за то, что она сейчас снова была студенткой института. Она просто дала ему пощечину и просто ушла, когда... потому что она идиотка. Была идиоткой...

Она повернулась на спину и посмотрела на белый потолок. Села на кровати и зажмурилась от сильной головной боли и головокружения. Состояние было паршивое, хотелось пить. Она сглотнула и поморщилась от боли в горле. Вздохнула и встала с кровати. Пошатнулась от головокружения и закашлялась. Убрала спутавшиеся волосы с лица и, надев теплые тапочки, вышла из комнаты. Она плохо помнила, что произошло, но, вероятно, что-то не очень хорошее. В душе оставался неприятный осадок, будто она сделала что-то ужасное. Она не помнила ту истерику на набережной, мозг, вероятно, заблокировал воспоминания о событиях, последовавших после того, как она узнала, что Маркус ее обманул. Она помнила, что влезла в его мысли.

На кухне слышались голоса, и она остановилась и вздрогнула, услышав голос любимого. Слабо улыбнулась, но потом сглотнула, поморщившись от боли в горле, и тихо и осторожно вошла на кухню. Видимо, это было настолько резко, эти ее шаги, что ослабленный болезнью и голодом организм среагировал пошатыванием, головокружением и вспышкой головной боли. Она схватилась за косяк и прислонилась к нему, чтобы не упасть.

- Я... можно мне попить? Я есть хочу, - сказала она и не узнала свой голос. Он был слишком охрипшим и слабым.

Моррис Фернандез

- Вы можете обращаться ко мне, если... вам захочется поговорить или весело провести время за стаканчиком горячительного напитка. Мы, мексиканцы... - он задумался, - любим встречаться, смеяться и на какое-то время забывать о проблемах.

Он усмехнулся, вспомнив частые посиделки с друзьями до двух-трех часов ночи, а иногда и до утра, когда за столом не утихали смех, разговоры, а в помещении

виталя приятная атмосфера и беззаботность. И было это и в его двадцатилетие, и в сорокалетие, и вот недавно. Лаура часто принимала участие в разговорах, сама смеялась, шутила, была звездой любой компании. Дочка, наоборот, не любила все эти мероприятия, предпочитая одиночество и книги. Он не настаивал. И всегда готов был выслушать, не лез в ее жизнь, если она этого не хотела. Последнее время, конечно, с этим было напряжно, Лауре было нп до смеха и веселья, а он сам... возраст, как ни крути, постепенно берет свое.

Гостя, пожалуй, сильнее всего волновал единственный вопрос - языковой барьер. Моррис тоже столкнулся с этим и до сих пор, прожив двадцать лет в России так и не выучил русский язык. Хоть и занимался с преподавателями, старался смотреть фильмы, читать книги. И он понимал некоторую смущенность Тору.

- Русский язык в принципе считается самым сложным в мире. Даже японский выучить легче, если взять просто разговорный, без всякой грамматики. Я до сих пор плохо понимаю по-русски, поэтому предпочитаю использовать дочку в качестве переводчика. Она родилась здесь, ходила в русский садик, и ей было проще. Конечно, акцент есть, но... как-то раз она учила одного знакомого... он приехал из Армении, и она помогала ему учить язык. Если что, у нас в посольстве есть переводчик, я могу ее предупредить, так что обращайтесь.

Наверное, действительно стоило лечь спать. Он уже хотрл было согласиться с Тору и уйти, как неожиданно на пороге появилось приведение, когда-то являющееся его дочерью. Мешки под глазами, осунувшееся лицо, спутанные волосы. Он вздохнул и усмехнулся.

- Тебе надо поесть бульон. Тору, проследите, чттбы она выпила хотя бы чашку бульона. Он на плите. Если она съест курицу, то будет просто замечательно. А ты подойди сюда. Хотя я сам подойду к тебе.

Он взял ложку и подошел к дочери. Включил свет на кухне и осмотрел ее горло. Оно было красным.

- Приведешь себя в порядок, выпьешь бульон и съешь немного курицы. Пока тебе нужно много пить. Тору, там в холодильнике стоит сок, разведите с теплой водой. - Он снова посмотрел на дочь. - Я сколько раз тебе говорил, чтобы ты вызывала врача? Твой Базилио не ест маленьких девочек. Все, чем ты травила свой организм с подачи твоего брата - это отравы. Так что надавать бы тебе хорошенько за такое, - пробурчал он, хотя на лице была улыбка и глаза улыбались, и было видно, что он ничуть не сердится на свою непутевую дочь. - Все, я, наверное, действительно пойду спать. Спасибо за приятное времяпрепровождение, Тору.

И он ушел, оставив молодых наедине, чтобы их не смущать...

Тору Мотидзуки

Вполне приятное общение с Моррисом было прервано появлением, кого-то весьма помятого и отдаленно напоминающего его Яреци. Девушка выглядела хуже некуда, но ее щеках хотя бы не было лихорадочного румянца, что, в совокупности с проснувшимся аппетитом, говорило об отсутствии высокой температуры. Это

внушало надежду на окончание самого тяжелого периода болезни, а уж с больным горлом, кашлем и вероятным насморком справиться не составляло особого труда.

Моррис дал ему несколько указаний, на которые Тору кивнул, подтверждая, что все понял, осмотрел горло Яреци, беззлобно ее пожурил и, попрощавшись, отправился спать. По его неуверенным движениям чувствовалось, что он очень устал за время всей этой кутерьмы, и Тору, еще раз искренне поблагодарив его за заботу, мысленно пообещал себе постараться его хоть немного разгрузить, взяв на себя всю возню с больной девушкой. И в вопросах лечения, особенно с учетом всего произошедшего, он планировал вести себя намного жестче, чем хозяин дома.

- Повезло тебе с отцом. - Тору помог Яреци занять место за столом, поскольку ее трясущиеся ноги не внушали ему доверия, одновременно с этим касаясь рукой ее лба. Как он и ожидал, температура спала и сейчас, учитывая общее истощение организма, могла оказаться даже ниже нормы. - Хотя по-моему, он тебя избаловал.

Бульон успел подостыть, так что Тору решил его подогреть, пока протягивая Яри кружку с теплой водой. Сок он ей давать не стал, поскольку тот в любом случае был сладковат, а ему с детских лет вдалбливали, что не стоит есть и пить сладкое перед едой. Глядя на Яреци в столь плачевном состоянии, Тору в очередной раз пожалел, что он умеет только махать оружием, в то время как серьезные люди из монастыря справлялись с проблемами, вроде простуды, за какое-то совершенно смешное время. А так, пока это чудо не поправилось на нее и поругаться-то нормально не получалось.

Пока бульон не стал, по его мнению, готовым к употреблению Тору молчал, стоя у плиты и наблюдая за тем, как девушка пьет свою воду. И лишь наполнив чашку и положив на тарелку немного курицы, позволил себе хоть какой-то комментарий.

- Ешь, не торопись. Но предупреждаю сразу, пока вся твоя посуда не опустеет из-за стола не выйдешь.

Тору окинул взглядом область в районе раковины, где красовались грязные тарелки и кружки и решил выполнить данное Моррису обещание и помыть посуду. В конце концов Яреци все равно была занята бульоном, а он сам сейчас толком и не знал, что говорить.

Яреци Фернандез

Она боялась смотреть на Тору, поэтому была рада, что некоторое время с ней занимался папа. Было бы, наверное, намного тяжелее и неправильнее, а может даже и страшнее, если бы, войдя на кухню, она увидела бы только Тору. А сейчас хотя бы было несколько минут, чтобы морально подготовиться к разговору. Серьезному, неприятному и, наверное, важному разговору. За свои ошибки она старалась отвечать, она училась отвечать, но раньше они были не такие серьезные - прогул школы, получение двойки из-за того, что хулиганила с девчонками, побег от бабушки, чтобы встретиться с друзьями... даже бессмысленная трата карманных денег. Всё это было настолько незначительным перед нынешней ошибкой, что она боялась, что за это её никто никогда не простит. Папа не простит за то, что верила Маркусу и позволила себе отдать ему деньги. А Тору... а вот Тору вообще никогда не

простит за то, что дала ему пощечину. Просто так. Когда он сказал чистую правду... ей казалось, что эта пощёчина была похожа на настоящую измену. Ну или предательство... Хотя это одно и то же.

Папа проворчал, что она не бережёт себя, и она показала ему язык, когда он ушёл. Вздогнула, когда папа напомнил про врача, сглотнула, вспомнив свои детские страхи, когда этот человек маленького роста с пышной чёрной бородой, копной чёрных волос и большим моноклем в глазу, делающим его глаз больше, приходил в эту квартиру, чтобы осмотреть её или родителей. Одно время она его вообще боялась чуть ли не до истерики. Потом она выросла, но страхи остались. Хотя... глядя сейчас на Тору она сомневалась, что врач такой уж страшный. Потому что Тору выглядел сердитым.

Он усадил её за стол и протянул кружку с водой, и девушка с жадностью принялась её пить, всё ещё морщась от сильной боли в горле. Она даже не могла сказать, чего ей хотелось больше - напиться воды, чувствуя сильную боль в горле, или страдать от жажды, но не глотать. Наверное, второе было легче, но первый вариант казался разумным. Она отставила кружку и посмотрела на кусок курицы. Начала пить бульон, всё ещё морщась от боли в горле. На глаза выступили слёзы. Но бульон оказался вкусным и питательным. Она почувствовала, что голова начинает что-то соображать, а в теле появляются силы. Она посмотрела на Тору, который мыл посуду и протянула ему кружку.

- Можно мне ещё бульона? Можно я не буду курицу... мне больно глотать, честно. Я... я хочу, но очень больно... - жалобно сказала она, залившись румянцем смущения. Она хотела сказать ещё многое, но слова пока не собирались в предложения, а голова от деятельности мозга начинала болеть.

Тору Мотидзуки

Моя посуда, Тору краем глаза наблюдал за тем, как Яреци справляется с бульоном. Получалось у нее не очень успешно. Точнее, бульон она, в итоге, выпила, но вот ее гримасы в процессе этого действия лучше слов говорили о том, что пришлось ей нелегко. Но, несмотря на чувство жалости, вызываемой этим зрелищем, Тору решил до последнего быть страшен и непреклонен, напоминая, о той своей стороне, которую девушка, привыкшая к его достаточно мягкому отношению к своей персоне, видимо, начала постепенно забывать.

- Бульона можно, - Тору забрал у нее пустую кружку и, заново ее наполнив, вернул обратно. - А курицу все равно придется съесть. Как я уже сказал, тарелка должна опустеть. Только на одном бульоне ты долго не выдержишься.

Кислое лицо Яреци, показывало, что девушка совсем не в восторге от этой идеи, но его настойчивость была обусловлена не желанием над ней поиздеваться, а объективными моментами. Тору не сомневался, что она и вчера ничего толком не ела, так что разрешать ей и дальше голодать, пока не пройдет боль в горле, что тоже могло занять еще немало времени, было глупо и безответственно.

- Если что, это не месть. - Тору все же решил пояснить свои действия, а то Яреци наверняка подумала, что он после ее ошибки решил вдоволь над ней поиздеваться.

Ему, конечно, приходили в голову подобные мысли, и он планировал наиболее безобидную их часть воплотить в жизнь, но в данном случае им все-таки руководила забота о здоровье своей непутевой девушки, хоть ей и могло все видаться иначе.

- Кстати, осмотрелся я тут у тебя в комнате. - Тору решил ненадолго поменять тему, чтобы отвлечь Яри от "куриных страданий". - Оказываются тебе нравятся смазливые блондины-европейцы. И как тебя угораздило связаться с темноволосым японцем? Да и смазливый меня, особенно в мои годы, уж точно не назовешь...

Собственно, к своей внешности у Тору претензий никогда не было. Что по японским, что по европейским для азиатов меркам ему вполне повезло, в чем он уже не раз имел возможность убедиться. Но контраст между девичьими грезами и реальностью позабавил его настолько, что он просто не мог оставить его без внимания.

Яреци Фернандез

Когда Тору протянул ей вторую кружку бульона и напомнил про курицу, она, воспользовавшись тем, что он отвернулся, передразнила его и показала ему язык. Удивилась, что ей хотелось улыбаться, смеяться. Хоть было и очень плохо и неприятно. И больно.

Она откусила курицу и начала с задумчивым видом ее жевать. Делала это очень медленно, глядя на поверхность стола. Она решила не комментировать слова Тору про месть, хотя не сильно бы удивилась, если бы это была месть. На душе всп еще был неприятный осадок, и до сих пор периодически в мозг залезали мысли, что Тору действительно очень терпеливый человек, и по его терпению она ходит словно по лезвию бритвы. Ей казалось, что другой бы на его месте после этого предательства с пощечиной и уходом не только бы не вернулся, но и вообще перестал бы думать. А он страдал. И от этого было больно и неприятно.

Боль в горле была уже не такой сильной, но все равно оставался неприятный осадок. Курицу она доела всю, а вот бульон не смогла допить. Он уже просто не лез. Вздохнув, поняв, что Тору не успокоится, пока она все не съест, она откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

- Он не смазливый! - фыркнула девушка. - Он замечательный актер, у него очень интересный персонаж! Но мне нравятся не только такие. Там есть и Малдер... там даже Наталия Орейро висит... ее постер.....

Она замолчала и вздохнула.

- Тору, я... я совсем не помню, что... как ты здесь оказался? Я... что-то плохое произошло? Я помню только, что прочитала мысли Маркуса... а потом... больше ничего не помню... - она опустила голову и закрыла глаза, чтобы не видеть его. Но ей было интересно. И страшно. Пожалуй, она как всегда не подумав разворошила осиное гнездо...

Тору Мотидзуки

Несмотря на изначальное нежелание есть курицу, Яреци справилась с этим делом без особого видимого труда, что в очередной раз доказывало - не стоит слушать

женщину, когда та капризничает. По крайней мере теперь он больше мог не волноваться за то, что она останется голодной, и у ее организма не хватит сил перебороть болезнь. Ну а остатки бульона, добавки которого она сама же и попросила, Тору насильно вливать не собирался. Свою основную задачу он выполнил, поэтому теперь мог и прислушаться к желаниям девушки.

- Конечно, не смазливый. Девушки же всегда вешают у себя постеры замечательных актеров, играющих интересных персонажей. Поэтому у каждой второй висит кто-то типа Джека Николсона.

Строго говоря, Тору мало волновало, чьи лица украшали спальню Яреци до настоящего времени. Самое главное, из реальных мужских лиц там должно было быть только его. А что касается придинок... Просто смотреть за тем, как Яри пытается убедить его в любви в актерскому мастерству, а не к привлекательным представителям противоположного пола, было очень забавно.

С тем, что Яреци не смогла воспринять практически ничего из сказанных им на набережной слов, Тору уже смирился, но то, что ей в итоге окончательно отшибло память, стало неприятным сюрпризом. Он мог понять почему девушке не хотелось вспоминать неприятные для нее моменты, но и их полное вытеснение обычно не доводило до чего-то хорошего, мешая учиться на своих ошибках и двигаться дальше.

- Да все просто. - Тору с трудом остановил себя от обреченного вздоха. - Как я понял, ты, прочитав мысли братца и узнав то, что он тебя использовал, по старой доброй традиции решила сбежать. Твой отец позвонил мне и попросил помочь тебя найти, что я собственно и сделал, а потом привез тебя сюда. Вот и вся история.

На самом деле все самое интересное происходило как раз в промежутках между теми событиями, которые он описал, но Тору не знал, стоит ли об этом вообще упоминать. Да и что он мог рассказать? Как она рыдала на набережной и просила прощения, а он на повышенных тонах говорил, что не собирается ее прощать, но при этом все равно любит и не бросит? Это были слова и эмоции конкретного момента, которые ушли вместе с ним и, наверное, не стоило их ворошить, занимаюсь уже актуальными вопросами и проблемами.

Яреци Фернандез

- Джек Николсон - старик, да и актёр не очень хороший, взять то же "Сияние", например... Кстати, Кинг про этот фильм отзывался не очень хорошо, - фыркнула девушка. - А вот Тобиас Моретти, из "Комиссар Рекс" - он просто... - она осеклась и смущённо опустила глаза, хотя до этого и не особо смотрела на Тору. - Впрочем, неважно.

Пока Тору отвечал на её вопрос, она пыталась что-то вспомнить, но мозг усердно блокировал воспоминания, видимо, решив, что девушка ещё не настолько здорова, чтобы вспоминать весь тот ужас, творившийся на пристани. Но она очень хотела вспомнить это, чтобы понять, что делать дальше. Сейчас чувствовалась какая-то недосказанность и напряжение. Тору явно что-то не договаривал, и она закрыла глаза.

- Я хочу чай. Тебе сделать? - Спросила она после молчания и встала со стула. Пошатнулась от головокружения, но жестом остановила Тору, чтобы он не мешал, хотя вообще не была уверена, что он это видел. Подошла к столешнице и достала кружки.

Вспышка головной боли, такая резкая и острая, позволила что-то вспомнить. Холодный камень пристани, ладони Тору на её зарёванном лице, холод в душе. Слова. Отдельные слова складывались в предложения. Про какое-то сердце. Она зажмурилась и опёрлась о столешницу.

- Я... я что-то помню... ты мне говорил про... тессен, его надпись... "Подаренное сердце нельзя вернуть"... ты... ты же не заберёшь своё сердце? Пожалуйста... я знаю, что мне нет прощения, но... не забирай своё сердце, пожалуйста. Я... - она вздохнула и стёрла выступившие слёзы. Посмотрела на него, немного робко. - Я считала себя ментальным магом, я хотела стать там мастером, учить... но... я... я поддалась влиянию подонка, я забыла обо всём... у меня в тот день была серьёзная контрольная, которую я не написала... Я никогда не смогу никого учить... я ведь больше ничего не умею... минута... если бы я тебя тогда увидела на минуту раньше, то... боже, что же я наделала...

Она сжала голову руками и опустилась на корточки. Было паршиво, но хотя бы слёз уже не было. И желания сбежать тоже. Точнее, оно было, но она чувствовала, что не сможет сделать и шага.

Тору Мотидзуки

- Старик - вот оно ключевое слово. А тебе, как я понимаю, нравятся мужчины постарше, но еще в самом соку. - Тору не смог скрыть улыбки, глядя на смущенное выражение лица Яреци. Он понятия не имел, о каком фильме или сериале идет речь, но что-то ему подсказывало, что названный актер относится как раз к этой категории.

Когда Яри заявила, что будет готовить чай, Тору хотел ее остановить и все сделать самостоятельно, но, в итоге, передумал. В конце концов, если он говорил, чтобы она выросла, то ему не стоило постоянно ее опекать. Взрослый человек сам должен рассчитывать свои силы и в случае ошибки быть готовым разбираться с ее последствиями. Хотя решение не мешать девушке заниматься приготовлением чая не мешало ему находиться достаточно близко, чтобы в случае чего поддержать, если ей станет нехорошо.

Но благим намерениям Яри так и не суждено было воплотиться в жизнь. Не успела она взяться за кружки, как на нее навалились воспоминания, моментально выбившие девушку из эмоционального равновесия и заставившие ее сначала немного позаниматься самоуничтожением, а потом и вовсе опуститься на корточки и схватиться руками за голову. Глядя на ее искреннее раскаяние, Тору почувствовал знакомое тянущее чувство в груди и, как и тогда на набережной, на какое-то время отодвинул свои обиды назад, чтобы успокоить свое измученное физически и морально чудо в человеческом обличье.

- Ничего я у тебя не заберу. - Тору поднял ее, возвращая в обычное вертикальное положение и заключил в объятия. - Раз уж умудрился так вляпаться, то никуда я теперь от тебя не денусь, и, надеюсь, ты и сама, прежде чем сбежать, теперь будешь пробовать со мной поговорить. Ну а с твоей учебой и ментальной магией мы как-нибудь разберемся. Думаешь, у меня все сразу получалось? Ты же видела шрамы на моем теле. А все потому, что я будучи еще подростком, часто лез туда, куда не надо было и, соответственно, получал. Но это не помешало мне научиться обращаться с мечом лучше большинства моих знакомых.

За последнее время Тору успел сильно соскучиться по теплу прижимающегося к нему тела Яри, так что сейчас пользовался возможностью, хоть как-нибудь наверстать упущенное. Правда из-за ее состояния ему приходилось быть предельно аккуратным и не позволять себе лишнего, но в любом случае, это было намного лучше, чем ничего.

Яреци Фернандез

Он молча слушал ее исповедь, не пытался в этот момент утешить, что-то возразить, сказать. Потом, правда, когда она перестала говорить что-то бессвязное, он поднял ее и крепко обнял. Снова обнял. Она вздохнула и обняла его в ответ, запустив пальцы в его волосы. Подняла голову и заглянула в его глаза, пытаясь прочесть в них какие-нибудь эмоции. Но они казались ей более темными, чем раньше. И холодными. Настолько ледяными, что ей вдруг показалось, что на самом деле все обстоит несколько иначе, и она просто себе напридумывала и его образ, и его глаза, и его чувства...

Она мотнула головой и привычно уткнулась в его ямочку под ключицей, чувствуя тепло его тела и слушая ровное биение его сердца. Стук его сердца успокаивал, и она прикрыла глаза.

- Я... я больше не буду убегать... я... я постараюсь быть сильной. Я должна быть сильной. Спасибо... - тихо прошептала она.

Потом она нахмурилась и подняла голову.

- Тебе позвонил папа? Он тебе сам позвонил? И вы... он тебя назвал по имени, я помню... а пока я спала... вы разговаривали с ним? Он... вы подружились с ним? - вопросы сыпались один за другим, а на лице потихоньку стала играть улыбка. Так хотелось поцеловать Тору, но что-то останавливало. Что-то незначительное. Она притянулась к его губам и поцеловала...

Тору Мотидзуки

Яреци льнула к нему, как маленький недавно нашкодивший котенок, боящийся, что его накажут, но все равно ищущий человеческого тепла. И как всегда эта ее искренность и непосредственность постепенно растапливала его сердце, заставляя забыть, что еще недавно он обещал себе не "оплывать" при первом ее прикосновении, а хоть недолго подержаться на расстоянии, занимаясь только решением бытовых вопросов.

Слова Яри о необходимости быть сильной он услышал, но комментировать не стал.

Ему и самому хотелось верить, что время побегов и недопонимания прошло, но в жизни не все складывалось согласно человеческим желаниям, так что Тору был готов и не к самым приятным моментам, хотя и надеялся, что их будет как можно меньше. И пока он размышлял на тему будущего их отношений, Яреци использовала хитрый прием, окончательно заставляющий забыть о его воспитательных намерениях и рефлекторно ответить на поцелуй.

- Нет. Вот это сейчас было совсем нечестно. - Тору с трудом отстранился. - Кто-то между прочим только что еле стоял на ногах и изображал полумертвое состояние. Или ты симулянт?

В противовес его словам в голове возникла шальная мысль, которая постепенно вытеснила все остальные, о том, как же давно он не целовал свою Яри. И пусть, если разбираться, они не общались всего несколько дней, эти дни тянулись для него слишком долго, чтобы он мог себя сейчас остановить.

- Ну вот как ты это делаешь? Я рядом с тобой превращаюсь в какого-то озабоченного мальчика-дурочка. - Не удержавшись, Тору притянул девушку к себе и вернулся к занятию, от которого минуту назад оторвался только тяжелым усилием воли. В данный момент его не волновала ни болезнь девушки, ни возможность того, что Моррис еще не успел заснуть и мог что-то слышать. Он просто хотел ее целовать... И он ее целовал.

- Да, ты умудрилась так напугать папу, что он сам мне позвонил. - Тору, наконец, смог остановиться, сел на стул и усадил девушку себе на колени. Он вспомнил о прилетевших в его адрес вопросах до того момента, как "что-то пошло не так", и решил на них ответить. - И да, хотя о дружбе еще говорить рано, по-моему, мы смогли найти с ним общий язык.

Прогресс в отношениях с отцом Ярецы оказался столь значительным за такой короткий срок, что он и сам пока не понимал, к чему все это может привести. Но, надеялся, что самый непростой этап был уже пройден.

Яреци Фернандез

- Во мне поллитра бульона и немного курицы, так что я, хоть ещё и не могу стоять на ногах, но... в общем... я... ну вот, снова меня запутал... а я ведь болею, - она обиженно шмыгнула носом, опустила голову, а потом слабо улыбнувшись, посмотрела на него снизу вверх. Он поцеловал её, и она ответила на его поцелуй. Правда не так, как хотелось ей, как она планировала. Он был слабый, но страстный, хотя до этого момента она не думала, что могут эти два прилагательных сочетаться в одном определении. Оказывается, могут.

- Вероятно, как-то делаю, - пожала она плечами. - Я очень рада, что вы с папой нашли общий язык. Если... ты не обижайся на него за тот провальный вечер. Он... как я поняла, у него тогда были проблемы в ресторане. Он в одном мадридском ресторане работает шеф-поваром...

Она замолчала, когда мужчина её усаживал на свои колени. Посмотрела в сторону двери и прислушалась. В квартире было тихо, и это означало, что папа заснул. Она

представила себе эту картину и поняла, что не будет ничего хорошего. Лучше, чтобы он не видел, чем они занимаются на кухне. Он, конечно, всё понимает, но лучшешний раз не играть с огнём. Хотя сейчас было безразлично, что подумает папа, если вдруг случайно войдёт на кухню. У неё слабость, она стоять не может, а сидеть может только на коленях любимого, который её обнимает. И точка. Это не запрещено. Они же не занимаются чем-то нехорошим...

Она вздрогнула от своих мыслей и покраснела, кажется всё лицо стало красным. Она смущённо опустила глаза. Вспомнила, что нужно привести себя в порядок. Но после болезни лучше не принимать ванну, чтобы не было никаких проблем и обострений. А ещё снова захотелось спать. Она зевнула.

- Тору... я... мне... я хочу спать... - тихо сказала она.

Тору Мотидзуки

- Ну, конечно. Не знает она, что делает. Хитрюга. -Тору скептически хмыкнул. Он сильно сомневался, что Яреци не замечает, как на него влияют ее слова и действия. Но ничего не мог поделать, снова и снова попадаясь в ее пусть даже и не до конца осознаваемые ловушки.

- Я не обижаюсь на твоего отца. Учитывая ситуацию, он вел себя еще очень корректно. На его месте я бы такого гостя вообще убил или хотя бы покалечил. - Тору до сих пор не мог до конца поверить, что отделался всего лишь одной неприятной встречей с Моррисом, так что и не думал проявлять какое-то недовольство по поводу его изначального поведения. Особенно после их последнего разговора, многое вещи расставившего на свои места.

Оказавшись у него на коленях, девушка сначала занервничала, видимо боясь, что их в таком сомнительном положении может застать ее отец, а потом и вовсе подозрительно покраснела. Глядя на ее смущение, Тору с трудом удержался от едкого комментария. Он уже видел подобное выражение лица и догадывался, что его причиной стали не самые приличные мысли. Что, несмотря на временную невозможность их воплощения в жизнь, можно было посчитать еще одним признаком грядущего выздоровления.

- Ты так у меня скоро в кошечку превратишься. Только кушаешь и спишь. Ну да что с тобой делать. Пойдем, уложим тебя в кровать.

Тору поднялся, увлекая за собой девушку. На этот раз он не стал ее тащить, позволяя идти самостоятельно, но на всякий случай страхуя от возможного падения. К счастью, до комнаты они добрались без приключений, и уже через несколько минут он снова старательно укутывал Яреци одеялом. А пока она и ее отец собирались отдохнуть, ему самому стоило дойти до своей съемной квартиры и, хотя бы, переодеться и разобраться с бытовыми вопросами. Ну а что делать дальше... На эту тему Тору планировал подумать в ближайшие часы.
